

И. А. ИЛЬИН

Наши задачи

<фрагменты>

8. <ЧТО МОЖЕТ ДЕЛАТЬ ЭМИГРАЦИЯ>

Трагедия русской честной эмиграции с самого начала состояла в том, что в своем желании непосредственно бороться с советской властью она была *силою пространства* лишена точки приложения своей силы.

Пробираться внутрь страны могли только единичные герои, отнюдь не находившие там, как прежние революционеры, «под каждым кустом — и стол и дом»: они делали короткие вылазки и погибали или возвращались, совершив отдельный подвиг и привозя сведения. Но и только.

Все попытки действовать конспиративно через агентов ГПУ—НКВД кончались неизменно трагической неудачей: доверчивые эмигранты доверялись профессиональным предателям, профессиональные предатели «улавливались», «обещали» и затем обманывали и предавали доверчивых эмигрантов, которых личная доблесть не спасала, а вела к жертвенной, но бесплодной гибели.

Глубокая разведка храбрецов, пробиравшихся во время войны в занятые немцами русские области, дала немало ценных сведений и некоторые ограниченные пропагандные возможности. Но и только.

Выстрелы Конради и Коверды¹ имели для всего мира значение русского национального протеста и предупреждения. Главное — центральной борьбы из всего этого не выходило. Героические *э к с ц е с с ы* вливались в общую тактику *п р о п а г а н д ы*, которая и оставалась главным делом эмиграции.

«Старая» эмиграция давно это поняла и поставила себе задачу: *действовать доказательным провозглашением правды о советском коммунизме* и в этом заслуги ее огромны и неоспоримы.

Ныне эта правда о большевизме и коммунизме стала достоянием всех п р а в и т е л ь с т в *западных и восточных держав*. Однако мнение самих народов очень далеко еще от верного понимания правды. Доказательством тому служат выборы в Италии (до 8 мил<лионов> голосов за комблок) и во Франции, бурление в Латинской Америке, брожение в Индии и гражданская война в Китае. Мировая пресса далеко не на высоте в своих суждениях о советских делах: она то и дело обнаруживает недостаточность своих знаний о РОССИИ, своего понимания русской революции, недостаток зоркости, независимости и просто честности. Здесь для русской эмиграции — великое поле действия. Но надо помнить, что успех дается не только сенсации (Кравченко), а главным образом, доказательности и качеству, что необходим большой политический такт, и что без упорных организационных усилий не достигнешь ничего.

Вторая задача эмиграции, без разрешения которой неразрешима и первая, это внимательное изучение процессов, происходящих внутри РОССИИ. Наше знание и понимание мы должны проверить живым и недавним опытом новой эмиграции. Мы должны доказательно вскрывать перед мировым общественным мнением происходящее в Советии: антинациональную, губительную для РОССИИ политику коммунистов, нерусскость советского империализма, духовную нелепость и разрушительность партийной тирании, сущность и цели советского тоталитаризма, мнимость и лживость советской «демократии», нравственные последствия террора, судьбу русской интеллигенции, искоренение независимых (лучших) характеров в народе, соблазн советско-церковного компромисса, экономическую безнадежность централизованного хозяйства, крушение социализма, борьбу крестьянства с коммунизмом, общий уровень жизни, положение рабочего класса, положение одуроченных и униженных национальных меньшинств, состояние промышленности и вооружений, реорганизацию армии и настроение в ней, создание новой привилегированной касты в стране и отношение народа к ней.

Издание соответствующих книг, брошюр и сборников статей на иностранных языках довершит это дело.

Этим задачи национальной русской эмиграции не исчерпываются, но с этого они н а ч и н а ю т с я.

11. <ПРЕДСТОЯЩИЙ В РОССИИ ХАОС>

Русские зарубежные левые газеты все чаще и определеннее начинают формулировать свои предположения и требования в ожидании крушения советского строя: немедленный созыв Учредительного собрания по четырехчленной формуле, немедленное провозглашение всех свобод, скорейшее введение федеративной республики, по возможности спасение всяческого социализма и т. д. Трудно разочаровывать мечтающих: занятие непопулярное и безуспешное. Но политика строится не фантазией и не доктриной. Необходим трезвый учет действительности. Мы должны предвидеть неизбежное и невозможное.

За тридцать лет коммунистического правления в с я Р о с с и я потеряла свое имущество, свою оседлость и свою городскую — уездную — губернскую принадлежность. Вечные высылки из жилищ, ссылки, переброски, командировки — сдвинули всех с мест и сделали нищими, но не погасили память о дорогих могилах, о законных правах и о своей пашне. Как только отпадет советский террор, *вся Россия сдвинется* с места в стремлении к освобождению, к возврату на насиженные родные места, к восстановлению своих прав на недвижимость, к разысканию членов своей семьи, к отмщению или просто к уходу из северного климата. Двинутся — крестьяне, рабочие, интеллигенция, миллионные концлагеря, беспризорные, уголовные, солдатня; — спасающиеся от узания коммунисты, возвращающиеся невозвращенцы и эмигранты. Этот текучий хаос будет продолжаться н е с к о л ь к о л е т, загромождая дороги живыми и мертвыми и перегружая все средства сообщения. В течение этих лет нечего будет думать о составлении, проверке, обжаловании и исправлении избирательных списков, тем более о производстве выборов. Кто попытается это сделать, тот будет заведомо «фальсифицировать демократию». Но правительство в России будет в это время необходимо больше, чем когда-либо. И оно будет существовать, представлять Россию и стремиться к порядку. Следовательно, оно будет не *демократическим* по своему строению, а *диктаториальным*.

В лучшем случае этот хаос кое-как уляжется через три-четыре года. В худшем же случае начнутся гражданские войны: с не сдавшимися коммунистами; между конкурирующими претендентами на диктатуру, среди которых будет немало деморализованных авантюристов; или между центральной властью и сепаратистами; между диктатурой и бандами... Не исключено, что найдутся иностранные державы, которым будем выгодно

поддерживать эти междоусобия (вспомним Китай, Смуту) и которые будут снабжать поэтому то того, то другого из авантюрных генералов или сепаратистских полководцев деньгами, инструкторами и оружием. При таких условиях национальная диктатура станет прямым спасением, а выборы будут или совсем неосуществимы, или окажутся мнимыми, фикцией, лишённой правообразующего авторитета.

Наконец самое возникновение небольшевистской или антибольшевистской власти трудно себе представить в том порядке, что Россия будет отвоевана у коммунистов эмигрантскими демократическими партиями, или что эти партии будут нарочито проведены к власти победоносными американо-англо-немецкими штыками. На самом деле *диктатура встанет изнутри* и вряд ли позовет на совет или к участию г. Николаевского² или г-жу Кускову. Если это будет диктатура «полукоммунистическая», то она вступит в непрерывный кризис, эволюционируя направо; если же это будет диктатура антикоммунистическая, то она, может быть, и будет обещать созыв Учредительного собрания (или «парламента»), но будет откладывать его в силу высших государственных невозможностей и необходимостей.

Под этой исторически неизбежной диктатурой русский народ будет отыскивать свои «насиженные места» и «права» х а о т и ч е с к и м с а м о т е к о м, и когда через годы, может быть, и соберется первое возможное в послереволюционной России представительное собрание, то оно встанет перед совершившимся фактом: *расправа над ненавистными народу элементами будет закончена, а имущественные права «восстановлены» в захватном порядке.*

Мы отнюдь не считаем этого наилучшим исходом и отнюдь не призываем к этому. Но надо быть совсем наивным в политике, чтобы не считаться с этим процессом как с наиболее вероятным.

<16 июня 1948 г.>

30. ПРОТИВ РОССИИ

Где бы мы, русские национальные эмигранты, ни находились в нашем рассеянии, мы должны помнить, что другие народы *нас не знают и не понимают*, что они боятся России, не сочувствуют ей и готовы радоваться всякому ее ослаблению. Только одна маленькая Сербия инстинктивно сочувствовала

России, однако без знания и понимания ее; и только одни Соединенные Штаты инстинктивно склонны предпочесть единую национальную Россию как неопасного им антипода и крупного, лояльного и платежеспособного покупателя.

В остальных странах и среди остальных народов — мы *одиноким, непонятным и непопулярным*. Это не новое явление. Оно имеет свою историю. М. В. Ломоносов и А. С. Пушкин первыми поняли своеобразие России, ее особенность от Европы, ее «неевропейскость». Ф. М. Достоевский и Н. Я. Данилевский³ первыми поняли, что Европа нас не знает, не понимает и не любит. С тех пор прошли долгие годы, и мы должны были испытать на себе и подтвердить, что все эти великие русские люди были *прозорливы и правы*.

Западная Европа нас не знает, во-первых, потому, что ей *чужд* русский язык. В девятом веке славяне жили в самом центре Европы: от Киля до Магдебурга и Галле, за Эльбой, в «Богемском лесу», в Каринтии, Хорватии и на Балканах. Германцы систематически завоевывали их, вырезали их верхние сословия и, «обезглавив» их таким образом, подвергали их денационализации. Европа сама вытеснила славянство на восток и на юг. А на юге их покорило, но не денационализировало турецкое иго. Вот как случилось, что русский язык стал чужд и «труден» западным европейцам. А без языка народ народу нем («немец»).

Западная Европа не знает нас, во-вторых, потому, что ей *чужда русская (православная) религиозность*. Европой искони владел Рим, — сначала языческий, потом католический, воспринявший основные традиции первого. Но в русской истории была воспринята не римская, а греческая традиция. «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» (Пушкин⁴). Рим никогда не отвечал нашему духу и нашему характеру. Его самоуверенная, властная и жестокая воля всегда отталкивала русскую совесть и русское сердце. А греческое вероисповедание мы, не искажая, восприняли настолько своеобразно, что о его «греческости» можно говорить лишь в условном, историческом, смысле.

Европа не знает нас, в-третьих, потому, что ей *чуждо славяно-русское созерцание мира, природы и человека*. Западноевропейское человечество движется *волею и рассудком*. Русский человек живет прежде всего *сердцем и воображением* и лишь потом — волею и умом. Поэтому средний европеец стыдится искренности, совести и доброты как «глупости»; русский человек, наоборот, ждет от человека прежде всего доброты, совести

и искренности. Европейское правосознание формально, черство и уравнительно; русское — бесформенно, добродушно и справедливо. Европейец, воспитанный Римом, презирает про себя другие народы (и европейские тоже) и желает властвовать над ними; за то требует внутри государства формальной «свободы» и формальной «демократии». Русский человек всегда наслаждается естественною свободою своего пространства, вольностью безгосударственного быта и расселения и нестесненностью своей внутренней индивидуализации; он всегда «удивлялся» другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся поработителей; он ценил *свободу духа* выше формальной *правовой свободы*, — и если бы другие народы и народцы его не тревожили, не мешали ему жить, то он не брался бы за оружие и не добивался бы власти над ними.

Из всего этого выросло глубокое различие между западной и восточно-русской культурой. У нас *вся* культура — *иная, своя*; и притом потому, что у нас *иной, особый духовный уклад*. У нас совсем иные храмы, иное богослужение, иная доброта, иная храбрость, иной семейный уклад; у нас совсем другая литература, другая музыка, театр, живопись, танец; не такая наука, не такая медицина, не такой суд, не такое отношение к преступлению, не такое чувство ранга, не такое отношение к нашим героям, гениям и царям. И притом *наша душа открыта* для западной культуры: мы ее видим, изучаем, знаем, и если есть чему, то учимся у нее; мы овладеваем их языками и ценим искусство их лучших художников; у нас есть дар *вчувствования и перевоплощения*.

У европейцев *этого дара нет*. Они понимают только то, что на них похоже, но и то искажая все на свой лад. Для них русское инородно, беспокояно, чуждо, странно, непривлекательно. Их мертвое сердце — мертво и для нас. Они горделиво смотрят на нас сверху вниз и считают нашу культуру или ничтожною, или каким-то большим загадочным «недоразумением»...

И за тридцать лет революции в этом ничего не изменилось. Так, в середине августа 1948 г. происходил съезд так называемого «церковно-экуменического» движения в Швейцарии, в котором были выбраны 12 виднейших швейцарских богословов и пасторов (реформатской церкви) на такой же «всемирный» съезд в Амстердаме. И что же? На съезде господствовали «братское» сочувствие к марксизму, к советской церкви и советчине и мертвое, холодно-пренебрежительное отношение к национальной России, к ее церкви и культуре. Вопрос о русской культуре, о ее духовности и религиозной самобытности совсем

и не ставился: она приравнивалась к нулю. Марксизм есть для них «свое», европейское, приемлемое; и советский коммунист для них ближе и понятнее, чем Серафим Саровский⁵, Суворов, Петр Великий, Пушкин, Чайковский и Менделеев.

То же самое происходило потом и на «всемирном» съезде в Амстердаме, где подготовлялось чудовищное месиво из христианства и коммунизма.

Итак, Западная Европа не знает России. Но *неизвестное* всегда страшновато. А Россия по численности своего населения, по территории и по своим естественным богатствам огромна. *Огромное неизвестное* переживается всегда как сущная опасность. Особенно после того, как Россия в XVIII и XIX веках показала Европе доблесть своего солдата и гениальность своих исторических полководцев. С Петра Великого Европа *опасалась* России; с Салтыкова⁶ (Кунерсдорф), Суворова и Александра Первого⁷ — Европа *боится* России. «Что, если этот нависающий с востока массив двинется на запад?» Две последние мировые войны закрепили этот страх. Мировая политика коммунистической революции превратила его в *неутихающую тревогу*.

Но страх унижает человека; поэтому он прикрывает его презрением и ненавистью. Незнание, пропитанное страхом, презрением и ненавистью, фантазирует, злопыхательствует и выдумывает. Правда, мы видели пленных немцев и австрийцев, вернувшихся в Европу из русских лагерей и *мечтавших о России и русском народе*. Но европейское большинство и, особенно, его демократические министры — кормятся незнанием, боятся России и постоянно *мечтают о ее ослаблении*.

Вот уже полтора столетия Западная Европа боится России. Никакое служение России общеевропейскому делу (Семилетняя война⁸, борьба с Наполеоном, спасение Пруссии в 1805—1815 годах, спасение Австрии в 1849 г.⁹, спасение Франции в 1875 г.¹⁰, миролюбие Александра III¹¹, Гаагские конференции¹², жертвенная борьба с Германией 1914—1917 гг.) — *не весит перед лицом этого страха*; никакое благородство и бескорыстие русских государей не рассеивало этого европейского злопыхательства. И когда Европа увидела, что Россия стала жертвою большевистской революции, то она решила, что это *есть торжество европейской цивилизации*, что новая «демократия» расчленил и ослабит Россию, что можно перестать бояться ее и что советский коммунизм означает «прогресс» и «успокоение» для Европы. Какая слепота! Какое заблуждение!

Вот откуда это основное отношение Европы к России: Россия — это загадочная, полуварварская «пустота»; ее надо «еван-

гелизировать» или обратить в католичество, «колонизировать» (буквально) и цивилизовать; в случае нужды ее можно и должно использовать для своей торговли и для своих западноевропейских целей и интриг; а впрочем — ее необходимо *всячески ослаблять*. Как?

Вовлечением ее в невыгодный момент в разорительные для нее войны; недопущением ее к свободным морям; если возможно — то расчленением ее на мелкие государства; если возможно — то сокращением ее народонаселения (напр<имер>, через поддержание большевизма с его террором — политика германцев 1917—1939 гг.); если возможно — то насаждением в ней революций и гражданских войн (по образцу Китая); а затем — внедрением в Россию международной «закулисы», упорным навязыванием русскому народу непосильных для него западноевропейских форм республики, демократии и федерализма, политической и дипломатической изоляцией ее, неустанным обличением ее мнимого «империализма», ее мнимой «реакционности», ее «некультурности» и «агрессивности».

Все это мы должны понять, удостовериться в этом и никогда не забывать этого. Не для того, чтобы отвечать на вражду — ненавистью, но для того, чтобы верно *предвидеть события и не поддаваться столь свойственным русской душе сентиментальным иллюзиям*.

Нам нужны *трезвость и зоркость*.

В мире есть *народы, государства, правительства, церковные центры, закулисные организации и отдельные люди — враждебные России, особенно православной России, тем более императорской и нерасчлененной России*. Подобно тому, как есть «англофобы», «германофобы», «японофобы», — так мир *изобилует «русофобами», врагами национальной России, обещающими себе от ее крушения, унижения и ослабления всяческий успех*. Это надо продумать и прочувствовать до конца.

Поэтому, с кем бы мы ни говорили, к кому бы мы ни обращались, мы должны зорко и трезво измерять его *мерилом его симпатий и намерений в отношении к единой, национальной России* и не ждать от завоевателя — спасения, от расчленителя — помощи, от религиозного совратителя — сочувствия и понимания, от погубителя — благожелательства и от клеветника — правды.

Политика есть искусство *узнавать и обезвреживать врага*. К этому она, конечно, не сводится. Но кто к этому неспособен, тот сделает лучше, если не будет вмешиваться в политику.

<28 сентября 1948 г.>

37. О ФАШИЗМЕ

Фашизм есть явление сложное, многостороннее и, исторически говоря, далеко еще не изжитое. В нем есть здоровое и больное, старое и новое, государственно-охранительное и разрушительное. Поэтому в оценке его нужны спокойствие и справедливость. Но опасности его необходимо продумать до конца.

Фашизм возник как реакция на большевизм, как *концентрация государственно-охранительных сил направо*. Во время наступления левого хаоса и левого тоталитаризма — это было явлением здоровым, необходимым и неизбежным. Такая концентрация будет осуществляться и впредь, даже в самых демократических государствах: в час национальной опасности здоровые силы народа будут всегда концентрироваться в направлении охранительно-диктаториальном. Так было в Древнем Риме, так было и в новой Европе, так будет и впредь.

Выступая против левого тоталитаризма, фашизм был, далее, прав, поскольку искал *справедливых социально-политических реформ*. Эти поиски могли быть *удачны и неудачны*: разрешать такие проблемы трудно, и первые попытки могли и не иметь успеха. Но встретить волну социалистического психоза — *социальными* и, следовательно, противо-социалистическими мерами — было необходимо. Эти меры назревали давно, и ждать больше не следовало.

Наконец, фашизм был прав, поскольку исходил из *здорового национально-патриотического чувства*, без которого ни один народ не может ни утвердить своего существования, ни создать свою культуру.

Однако наряду с этим фашизм совершил целый ряд *глубоких и серьезных ошибок*, которые определили его политическую и историческую физиономию и придали самому названию его ту *одиозную окраску*, которую не устают подчеркивать его враги. Поэтому для будущих социальных и политических движений подобного рода надо избирать другое наименование. А если кто-нибудь назовет свое движение прежним именем («фашизм» или «национал-социализм»), то это будет истолковано как намерение возродить все пробелы и фатальные ошибки прошлого.

Эти пробелы и ошибки состояли в следующем.

1. Безрелигиозность. Враждебное отношение к христианству, к религиям, исповеданиям и церквям вообще.

2. Создание *правого тоталитаризма* как постоянного и якобы «идеального» строя.

3. Установление *партийной монополии* и вырастающей из нее *коррупции и деморализации*.

4. Уход в крайности *национализма и воинственного шовинизма* (национальная «мания грандиоза»¹³).

5. Смещение *социальных реформ с социализмом* и соскальзывание через тоталитаризм в огосударствление хозяйства.

6. Впадение в *идолопоклоннический цезаризм с его демагогией, раболовством и деспотией*.

Эти ошибки скомпрометировали фашизм, восстановили против него целые исповедания, партии, народы и государства, привели его к непосильной войне и погубили его. Его культурно-политическая миссия не удалась, и левая стихия разлилась с еще большей силой.

1. Фашизм не должен был занимать позицию, враждебную христианству и всякой религиозности вообще. Политический режим, нападающий на Церковь и религию, вносит раскол в души своих граждан, подрывает в них самые глубокие корни правосознания и начинает сам претендовать на религиозное значение, что безумно. Муссолини скоро понял, что в католической стране государственная власть нуждается в честном конкордате с католической Церковью. Гитлер, с его вульгарным безбожием, за которым скрывалось столь же вульгарное самообожествление, так и не понял до конца, что он идет по путям антихриста, предвзяря большевиков.

2. Фашизм мог и не создавать тоталитарного строя: он мог удовлетвориться авторитарной диктатурой, достаточно крепкой для того, чтобы: а) искоренить большевизм и коммунизм и б) предоставить религии, печати, науке, искусству, хозяйству и некоммунистическим партиям свободу суждения и творчества в меру их политической лояльности.

3. Установление *партийной монополии* никогда и нигде не приведет к добру: лучшие люди отойдут в сторону, худшие повалят в партию валом; ибо лучшие мыслят самостоятельно и свободно, а худшие готовы приспособиться ко всему, чтобы только сделать карьеру. Поэтому монополярная партия живет самообманом: начиная «качественный отбор», она требует «партийного единомыслия»; делая его условием для политической правоспособности и дееспособности, она зовет людей к *бессмыслию и лицемерию*; тем самым она открывает настежь двери всевозможным болванам, лицемерам, проходимцам и карьеристам; качественный уровень партии срывается и к власти проходят симулянты, взяточники, хищники, спекулянты, террористы, льстецы и предатели. Вследствие этого все недостатки и ошиб-

ки политической партийности достигают в фашизме своего высшего выражения; партийная *монополия* хуже партийной *конкуренции* (закон, известный нам в торговле, в промышленности и во всем культурном строительстве).

Русские «фашисты» этого не поняли. Если им удастся водвориться в России (чего не дай Бог), то они скомпрометируют все государственные и здоровые идеи и провалятся с позором.

4. Фашизм совсем не должен был впадать в политическую «манию грандиозу», презирать другие расы и национальности, приступать к их завоеванию и искоренению. Чувство собственного достоинства совсем не есть высокомерная гордыня; патриотизм совсем не зовет к завоеванию вселенной; освободить свой народ совсем не значит покорить или искоренить всех соседей. Поднять всех против своего народа — значит погубить его.

5. Грань между *социализмом* и *социальными реформами* имеет глубокое, принципиальное значение. Перешагнуть эту грань — значит погубить социальную реформу. Ибо надо всегда помнить, что *социализм антисоциален, а социальная справедливость и социальное освобождение не терпят ни социализма, ни коммунизма.*

6. Величайшей ошибкой фашизма было возрождение *идолопоклоннического цезаризма*. «Цезаризм» есть прямая противоположность монархизма. Цезаризм безбожен, безответствен, деспотичен; он презирает свободу, право, законность, правосудие и личные права людей; он демагогичен, террористичен, горделив; он жаждет лести, «славы» и поклонения; он видит в народе чернь и разжигает ее страсти; он аморален, воинствен и жесток. Он компрометирует начало авторитарности и единовластия, ибо правление его преследует цели не государственные и не национальные, а *личные*.

Франко¹⁴ и Салазар поняли это и стараются избежать указанных ошибок. Они не называют своего режима «фашистским». Будем надеяться, что и русские патриоты продумают ошибки фашизма и национал-социализма до конца и не повторят их.

<6 декабря 1948 г.>

48. РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ БЫЛА КАТАСТРОФЕЙ

После всего, что произошло в России за последние 32 года (1917—1949), нужно быть совсем слепым или неправдивым, чтобы отрицать *катастрофический характер* происходящего.

Революция есть катастрофа в истории России, величайшее государственно-политическое и национально-духовное крушение, по сравнению с которым Смута бледнеет и меркнет.

Смута была брожением; народ перебродил и опомнился. Революция использовала новую смуту и брожение и не пала народу ни опомниться, ни восстановить свое органическое развитие.

Смута была хаотическим бунтом и дезорганизованным разбоем. Революция оседлала бунт и государственно организовала всеобщее ограбление.

Смуту никто не замышлял: она была эксцессом отчаяния, всенародным грехопадением и социальным распадом. Революция готовилась планомерно, в течение десятилетий; в известных слоях интеллигенции она стала традицией, передававшейся из поколения в поколение; с 1917 г. она стала систематически проводиться по заветам Шигалева¹⁵ и чудовищным образом закрепляться: она ломала русскому человеку и народу его нравственный и государственный «костяк» и нарочно неверно и уродливо сращивала переломы.

Смута длилась 9 лет (1604 — появление самозванца, 1613 — избрание на царство Михаила Федоровича). Революция тянется уже 32 года, и конца ей не видно. Подрастают новые поколения, живущие в России, но не знающие ни ее истории, ни ее священных традиций, ни ее международного положения.

Смута разразилась в сравнительно первобытной России, распатанной и оскудевшей от террора Иоанна Грозного. Революция была подготовлена и произведена в России, которая культурно цвела, хозяйственно богатела и прогрессивно реформировалась. Россия начала XX века имела две опасности: войну и революцию. Войну ей сознательно навязала Германия, чтобы остановить ее рост; революцию в ней сознательно раздули революционные партии, чтобы захватить в ней власть.

После Смуты Россия была разорена (засевалась всего одна двадцать третья часть прежней площади); но она сохранила свой национальный лик. Революция разоряет и вымаривает ее систематически и симулирует ее мнимое «богатение»; она искажила ее национальный лик, отменила даже ее имя и превратила ее в *мировую язву*, грозящую всем народам.

Поэтому русская революция есть величайшая катастрофа — не только в истории России, но и в *истории всего человечества*, которое теперь слишком поздно начинает понимать, что советский коммунизм имеет *европейское происхождение* и что он теперь ломится назад — на свою «родину». Ибо он готовился в Европе сто лет в качестве социальной реакции на мировой ка-

питализм; он был задуман европейскими социалистами и атеистами и осуществлен международным сообществом людей, сознательно политизировавших уголовщину и криминализировавших государственное правление. В мире встал аморальный властолюбец, сделавший науку и государственность орудием всеобщего ограбления и порабощения, — жестокий и безбожный, *величайший лжец и пошляк, мировой истории*, научившийся у европейцев клясться именем «пролетариата» и оправдывать своими целями самые гнусные средства.

Итак, русская революция подготавливалась на протяжении десятилетий (с семидесятых годов) — людьми сильной воли, но скудного политического разума и доктринерской близорукости. Эти люди, по слову Достоевского, *ничего не понимали в России*, не видели ее своеобразия и ее национальных задач. Они решили политически изнасиловать ее по схемам Западной Европы, «идеями» которой они, как голодные дети, объелись и подавились. Они не знали своего отечества; и это незнание стало для русских западников гибельной традицией со времен главного поносителя России — католика Чаадаева...

Русские революционеры не понимали *величайших государственных трудностей*, создаваемых русским *пространством*, русским *климатом* и ничтожной *плотностью* русского населения. Они совершенно не разумели того, что русский народ является носителем порядка, христианства, культуры и государственности среди своих многонациональных и многоязычных сограждан. Они не желали считаться с суровостью русского *исторического бремени* (на три года жизни — два года оборонительной войны!) и хотели только использовать для своих целей накопившиеся в народе утомление, горечь и протест. Они не понимали того, что государственность строится и держится живым народным *правосознанием* и что русское национальное правосознание держится на двух основах — *на Православии и на вере в Царя*. Как «просвещенные» неверы, они совершенно не видели драгоценного своеобразия русского Православия, не понимали его мирового смысла и его творческого значения для всей русской культуры. Они не видели тех опасностей, которые заложены для России — в неуравновешенности русского темперамента, в незрелости русского добродушного, по-детски увлекающегося и шаткого характера и в его многосотлетней непривычке активно и ответственно строить свое государство. Они не понимали, что западные демократии держатся на многочисленном и организованном «среднем сословии» и на собственническом крестьянстве и что в России нет еще ни того ни другого.

Они видели только *сравнительную бедность и нравственную удобособлазнимость* русского народа, — и десятилетиями демагогировали его. И никому из них и в голову не приходило, что народ, не привыкший к политической свободе, не поймет ее и не оценит; что он *злоупотребит* ею для дезертирства, грабежа и резни, а потом *продаст ее тиранам за личный и классовый прибыль*... Подпиливали столбы и воображали себя титанами, «Атлантами», способными принять государственное здание на свои плечи. Закладывали динамит и воображали, что удастся снести одну крышу, которая немедленно сама вырастет вновь из «нерухнувшего» здания. Сеяли ветер на все четыре стороны и, пожиная бурю, удивлялись, что их парусную лодочку опрокинуло волною...

На этой политической близорукости, на этом доктринерстве, на этой безответственности — была построена вся программа и тактика русских революционных партий. Они наивно и глупо верили в политический произвол и не видели *иррациональной органичности русской истории и жизни*. И слишком поздно поняли свои ошибки. Благороднейшие из них признали свои недоразумения и промахи уже в эмиграции (Плеханов, Церетелли, Фондаминский¹⁶), тогда как другие и доселе восхищаются своим «февральским» безумием...

<26 марта 1949 г.>

49. РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ БЫЛА БЕЗУМИЕМ

Она была безумием, и притом *разрушительным безумием*. Достаточно установить, что она сделала с русской религиозностью всех исповеданий, в особенности с православной Церковью; что она учинила с русским образованием, в особенности с высшим и средним образованием, с русским искусством, с русским правом и правосознанием, с русской семьей, с чувством чести и собственного достоинства, с русской добротой и с патриотизмом...

Она была безумием со стороны самих *умеренно-революционных и полуреволюционных партий*, кои вскоре были уничтожены со всеми их планами, программами, кадрами, газетами и традициями.

Но она же обнаружила и безумную беспечность и близорукость *правых — охранительных партий*, которые не имели ни творческих идей, ни социальных программ, ни верных кадров в

стране. Их хватило только на то, чтобы затруднить великую реформу Столыпина... А «крайне правые» только и умели обманно уверять Государя в «многомиллионности» своего «союза» и в его «верноподданничестве», с тем чтобы в грозный час опасности предать Царя и его семью на арест, увоз и убийство...

Революция была безумием и для *русского крестьянства*. Русское крестьянство стояло перед исполнением всех своих желаний; оно нуждалось только в лояльности и терпении. Равноправие и полноправие давалось ему от Государственной думы (законопроект, выработанный В. А. Маклаковым). Земля переходила в его руки столь стремительно, что, по подсчету экономистов, к 1932 г. в России не осталось бы ни одного помещика: все было бы продано и куплено *по закону* и нотариально закреплено. Земля отдавалась ему в частную собственность (реформа П. А. Столыпина, 1906). К началу этой реформы Россия насчитывала 12 миллионов крестьянских дворов. Из них 4 миллиона дворов уже владели землей на праве частной собственности; а 8 миллионов числились в общинном владении. За 10 лет (1906—1916) на выдел из общины записались 6 миллионов дворов из восьми. Реформа шла полным ходом в связи с прекрасно организованным переселением; она была бы закончена к 1924 г. Но революционные партии позвали к «черному переделу», осуществление которого было сущим безумием: ибо только «тело земли» переходило к захватчикам, а «право на землю» становилось спорным, шатким, непрочным и прекарным (т. е. срочным до востребования); оно обеспечивалось лишь обманно — будущими экспроприаторами, коммунистами. Итак, историческая *эволюция* давала крестьянам землю, право на нее, мирный порядок, культуру хозяйства и духа, свободу и богатство; *революция* лишила их всего. Подготовительный нажим большевиков начался немедленно вслед за «черным переделом» и длился 12 лет. Вслед за тем (1929—1935) коммунисты приступили к коллективизации и, погубив казнями и ссылками не менее 600 000 дворов и семей, ограбили и пролетаризировали крестьян и ввели государственное крепостное право.

Революция была безумием и для *русского промышленного пролетариата*. Война 1914—1917 гг. поставила его непосредственно перед легализацией свободных рабочих союзов. Революция дала ему — гибель его лучших технических обученных кадров; долгие годы безработицы, голода и холода; порабощение в тоталитарных тред-юнионах; снижение уровня жизни на целые поколения; падение реальной зарплаты; государствен-

ную «потогонную систему» (стахановщина); систему взаимного политического сыска, доносительства и концлагеря.

Революция была проявлением безумия и со стороны русско-го *промышленно-торгового класса*, который в лице Саввы Морозова¹⁷, Ивана Сытина и других финансировал революционеров до тех пор, пока не был истреблен ими. А когда гибель стояла уже у порога, этот же самый класс не захотел или не сумел своевременно изыскать средства для борьбы с большевиками. Во время гражданской войны на юге, когда города переходили из рук в руки, — промышленники по уходе белых считали свои «убытки» и «протори» и роптали, а по уходе красных — подсчитывали свои «остатки» и благодарили судьбу за спасение.

Но наибольшим безумием революции была для русской *интеллигенции*, уверовавшей в пригодность и даже спасительность западноевропейских государственных форм для России и не сумевшей выдвинуть и провести необходимую *новую русскую форму участия народа в осуществлении государственной власти*. Русские интеллигенты мыслили «отвлеченно», формально, уравнительно; идеализировали чужое, не понимая его; «мечтали» вместо того, чтобы изучать жизнь и характер своего народа, наблюдать трезво и держаться за реальное; предавались политическому и хозяйственному «максимализму», требуя во всем *немедленно наилучшего и наибольшего*; и все хотели политически сравняться с Европой или прямо превзойти ее.

И теперь еще люди этого сентиментально-мечтательного поколения покидают земную жизнь, не передумав и вменяя себе это самодовольное упрямство в заслугу «стойкости» и «верности»... Они так и не поймут, что глупо глотать все лекарства, полезные другим; что пальмы и баобабы не всюду растут на воле; что страусы не могут жить в тундре; что *республика и федерация требуют особого правосознания*, которого многие народы не имеют и *коего нет и в России*. Не поймут, что народы, веками проходившие через культуру римского права, средневекового города, цеха и через школу римско-католического террора (инвизиция! религиозные войны! крестовые походы против еретиков! грозная исповедальня!) — нам не указ и не образец... Ибо мы, волею судьбы, проходили совсем другую школу — сурового климата, татарского ига, вечных оборонительных войн и сословно-крепостного строя. Что «немцу здорово», то русского может погубить...

Так безумие русской революции возникло не просто из военных неудач и брожения, но из отсутствия политического опы-

та, чувства реальности, чувства меры, патриотизма и чувства чести у народных масс и у революционеров. Люди утратили органическую национальную традицию и социально-политическое трезвение. В труднейший час исторической войны, когда монарх и указанный им наследник двукратным отречением погасили в народе присягу на верность, — все это вызвало развал правосознания, безумную толкотню и давку из-за эфемерного полно-равно-правия и столь же мнимого обогащения захватом. Все это брожение возникло отнюдь не из «нищеты», «гнета» или «разрухи». Брожение шло от нежелания отстаивать Россию и держать фронт и от жажды революционного грабежа. По прозорливому слову Достоевского, русский простой народ понял революционные призывы (Приказ № 1)¹⁸ и освобождение от присяги — как данное ему «право на бесчестие», и поспешил бесчестно развалить фронт, удовлетвориться «похабным миром» и приступить к бесчестному имущественному переделу. Это бесчестие выдвинуло наверх демагогов-интернационалистов.

Русские летописи пишут о Смуте, что она была послана нам за грехи, — «безумного молчания нашего ради», т. е. за отсутствие гражданского мужества, за малодушное «хоронячество» и непротивление злодеям. Несомненно, что эти слабости и недостатки сыграли свою роль и в нынешней революции. Но были и иные грехи, важнейшие: утрата русских органических и священных традиций, шаткость нравственного характера, безмерное политическое дерзание и отсутствие творческих идей.

<4 апреля 1949 г.>

141—143. КАКИЕ ЖЕ ВЫБОРЫ НУЖНЫ РОССИИ?

I

Как бы ни сложился дальнейший ход событий в России, никакие общегосударственные выборы не будут возможны в первые годы после падения большевиков: в хаосе не выбирают; в состоянии общего брожения, возвращения, переселения, без оседлости и приписки — выборы *неосуществимы*. Всякая попытка произвести выборы и провозгласить «учредительное собрание» — будет заведомой фальсификацией, партийной подтасовкой, *политическим мошенничеством*. Заранее ясно, что такая «демократия», начинающая с обмана и фальши, — будет обречена.

Пока национальный диктатор не подберет себе честный и идейный правительственный аппарат, способный честно составить законные избирательные списки, до тех пор говорить о выборах невозможно. Представлять же себе дело так, что какое-то, кое-как сбитое, из закулисных щелей понасаженное «полусобраньице» провозгласит себя «учредилкой» и объявит в виде избирательного закона «всеобщее, равное и прямое» голосование, значит, прямо предвидеть фальсификацию выборов как неизбежную или даже готовить ее как «желательную». Вряд ли кто-нибудь дерзнет на такое историческое позорище...

До всякого составления избирательных списков должен быть проведен генеральный, *всенародный перебор граждан*. Должен быть прежде всего издан закон, в силу которого право голоса не может принадлежать — помимо несовершеннолетних (мужчин до 25 лет, женщин до 30 лет), слабоумных, сумасшедших, глухонемых, заведомых пьяниц и кокаинистов — еще следующим категориям лиц: интернационалистам — навсегда; рядовым коммунистам — на 20 лет; членам Совнаркома, Политбюро, Чеки, ГПУ, НКВД, МВД — навсегда; палачам и полномочным начальникам концлагерей — навсегда; избличенным политическим доносчикам — на 20 лет; уркам — на 10 лет; всем служившим в иностранной разведке — на 20 лет; лицам порочных профессий (кои будут перечислены в законе) — на все время их промысла и еще на 30 лет по прекращении такового (к таким профессиям принадлежат: разбойники, дважды присужденные воры, скупщики и укрыватели краденого, конокрады, контрабандисты, содержатели и содержательницы публичных домов, сводни и сводницы, члены террористических партий и организаций, шулера, чернорыночные спекулянты, незаконные ростовщики и т. п.). Этот закон должен быть предан самой широкой гласности, по крайней мере, за год до составления списков.

В предлагаемом *всенародном переборе граждан* участвует, во-первых, весь народ на местах — по селам, поселкам, заводам, фабрикам и городским участкам; во-вторых — представители центральной власти.

За год до составления списков глава государства собирает на особые съезды *губернских* начальников и *городских* начальников, чтобы разъяснить им основную задачу нового *перебора и отбора*. Здесь вырабатывается единая, общая инструкция, которая передается на места и публикуется во всеобщее сведение. Губернские и городские начальники разъясняют ее своим *подчиненным* (уездным, участковым и заводским представителям власти), а те разъясняют ее сельским и участковым *собраниям*.

Внимая этой инструкции, народ должен убедиться и поверить, что *коммунистическая революция кончена*, что *партийный кошмар изжит*, что начинается *новое, разумное, строительство, основанное на любви к России, на добросовестности, чести и честности*, на частной инициативе, на верности лояльному правительству и *на отборе лучших людей*. Народ должен понять, что от него ждут не партийного притворства, не лжи, не доносов, не взаимного предательства и угодничества перед властью, а составления избирательных списков с *устранением всех утративших право на голос*.

Это устранение происходит *закрытым голосованием*, на основании *общего*, еще не избирательного списка жителей, составленного участковым начальником. Голосованию подлежит *всякий*, против которого подано *пять* отводящих записок, *без подписи*, но с указанием *законного* основания для отвода. Например: Семен Семенович Гайдук отводится как доносчик; или как палач; или как скупщик краденого; или как интернационалист. Записки прочитываются вслух, обсуждению не подлежат, протоколируются и тотчас же уничтожаются; отведенный имеет право возразить публично; возражение его *не обсуждается*; вопрос решается простым большинством при закрытом голосовании.

Во всех случаях, где участковый начальник видит, что негодные элементы не отведены, а ценные элементы отведены, он обязан обжаловать производство перед губернским и городским начальником и добиться повторения процедуры. Там, где будет обнаружено сплоченное коммунистическое большинство и его успешные интриги, участок может быть оставлен совсем без избирательного списка.

Такова первая стадия: *всенародный перебор*. После него составляются избирательные списки в обычном порядке и со всеми гарантиями законности, справедливости и беспартийности. Эти списки определяют состав политически-дееспособных граждан на 10 лет. Именно таковые, и только они, являются активными гражданами. По миновании сроков и утверждения списков самые выборы производятся в следующем порядке.

Выборы не должны быть «тоталитарными». Всякий, занесенный в списки, имеет право воспользоваться своим правом голоса и не воспользоваться им. Но выборы и не должны быть партийными: никаких партийных программ, плакатов; никакой агитации быть не должно. Выделение лучших — должно быть произведено *самим народом, совершенно свободно* и без всяких партийных «обещаний», нажимов, подсказываний и

иных фокусов. России необходимы не партийные заговорщики, не партийные шукари и перевертни, а люди *реальной жизни и чести*. Свобода голосования должна быть гарантирована его тайною.

Выборы должны происходить не на основании партийных предложений и рекомендаций, а по принципу *личной известности и уважаемости*. Для этого необходимо избирание по участкам или малым округам. При таком порядке будет избран минимум столько лиц, сколько будет всего избирательных участков (по одному на участок), или же вдвое, втрое и вчетверо больше. Это означает, что в первой стадии будут избираться не члены Государственной думы, а *выборщики*, и притом *выборщики* выборщиков.

Это означает, что желательны отнюдь не прямые выборы, а *многостепенные*, где на каждой «ступени» возможен *спокойный, трезвый, деловой* отбор людей со все более серьезным и глубоким осознанием цели и смысла избирания и где партии все более и более утрачивают свое вредное влияние. Примерно говоря: села выбирают волостных выборщиков, волостные выбирают уездных, уездные — губернских, губернские — членов Государственной думы; в городах — малые избирательные участки посылают своих выборщиков в городской округ, окружные — в главное городское собрание, которое и выбирает членов Государственной думы. Народ должен воспринять «задание на лучших» и, почувствовав себя *свободным*, должен действительно *вложиться* в это дело и *объединиться* на нем.

Это были бы выборы *общие* (с повышенным качественным и возрастным уровнем), *равные* (ибо никто не имел бы более одного голоса), *тайные* (по способу голосования) и *многостепенные*.

II

Итак, я считаю совершенно необходимым осуществление *всенародного перебора, повышение возрастного* уровня и строгий, но справедливый и всенародный *отвод порочных элементов*. Далее, я считаю столь же необходимым освобождение народа от *тоталитарного нажима* сверху и от *партийной агитации снизу*: цель и задача выборов — *отбор лучших* — должна быть властно подсказана народу национальной диктатурой, но в осуществлении этой цели народ *должен сохранить свою свободу*. Диктатура должна не навязывать, а лишь предлагать народу своих кандидатов. И тем не менее я не считаю ни целесообразным, ни зиждательным предоставление выборного про-

изводства на волю случая, пустого количества и закулисной интриги.

Потрясение, пережитое русским народом, было слишком глубоко и длительно. Большевики недаром хвалились своей «твердокаменностью», «рукастостью» и «костоломностью». За все время своего господства они стремились произвести свою костоломную операцию над *каждым* русским человеком: поставить его культурно, хозяйственно и морально *на колени и сломать ему духовный хребет*. Пусть он попробует после этого самостоятельно встать на ноги... В результате революция нанесла правосознанию русского народа такие язвы, с которыми он, предоставленный самому себе, *не скоро справится*. Но именно поэтому освобождение от ярма не должно повести его к соблазну, идущему от политических партий. Верная задача выборов — *отбор лучших* — должна быть не просто указана из национального центра (провозглашена); но самое разрешение ее должно встретить помощь и содействие. После тридцати- или сорокалетнего политического разврата и террора русский народ, свободно выделяя *своих лучших граждан кверху*, будет нуждаться в помощи и контроле государственно мыслящего центра. Но эта помощь и этот контроль получают особую силу и значение именно тогда, *если такая же помощь и такой же контроль будет оказан диктатуре со стороны самого народа*. Вкладываясь в этот отбор, народ должен иметь возможность исправлять на ходу возможные ошибки помогающей ему власти. Помощь и контроль должны быть *одновременными и взаимными*; а отбор должен быть *совместным и общим*.

Чтобы это осуществилось, надо отказаться *от слепой веры в количество собранных голосов* и в его политическое значение. Надо искать *качества* и требовать его от избираемых. Ибо, в самом деле, от роста числа голосов заблуждение не превращается в истину, авантюрист не становится государственно-мудрым человеком, предатель вроде Лавалья¹⁹ не заслуживает доверия. И если бы *все*, буквально *все*, потребовали бы в ослеплении политически губительных мер, то эти меры не стали бы от этого политически спасительными.

Далее, для этого надо отказаться *от веры в партийную рекомендацию* и искать достоверного и непосредственного знания рекомендуемого кандидата. На самом деле партия выдвигает совсем не *лучших* людей, а *согласных* с нею и *послушных* ей. Европейский политический опыт изобилует примерами, где *лучшие* люди совсем не выдвигались потому, что они не мыслили партийно, а имели свои личные воззрения; мало того, изве-

стна тенденция в европейских демократиях *не* выдвигать лучших *именно потому, что они лучшие*, выдающиеся, сильные, энергичные, независимые и потому для демократии якобы «опасные» люди. Достаточно вспомнить политическую карьеру Черчилля, которого долгое время «задвигали» (т. е. не давали ему ходу) за его явное превосходство. Партии не только не непогрешимы, но обычно тенденциозны, односторонни и думают не о государстве в целом, а о себе.

Далее, надо отказаться от *механического и арифметического понимания политики, от заглазных и отвлеченных кандидатур*, никому не известных, кроме партийного центра; надо вернуться к естественному, органическому общению в политике, при котором *личное знание, личное уважение и личное доверие* имеют решающее значение. Выборы должны быть не подсовыванием партийных карьеристов партийными карьеристами, а действительным отбором действительно лучших людей. Глупо искать всенародного спасения в безличном механизме, в партийном интриганстве, в нравственно- и религиозно-безразличном совании записок в урны и подсчете голосов.

Надо отказаться, далее, *от больших избирательных округов* с партийными списками и от так называемых «*прямых*» (в сущности, «*кривых*» и мертвых) *выборов* и обратиться к малым округам, где все друг друга хорошо знают, где почти невозможно протереться вперед случайному авантюристу или профессиональному политическому «ныряле». Надо обратиться к выборам *вдумчивым, проверяющим и перепроверяющим*, к выборам многостепенным, *творящим осторожный отбор* и дающим *ответственное предпочтение*.

И в довершение всего надо искать на выборах государственного *единения*, а не *бесконечного дробления* в направлении честолюбия и властолюбия. Казалось бы, что могло бы быть справедливее пропорциональной системы? «Сколько голосов собрано, столько и депутатов...» Сама арифметическая «справедливость»! На самом же деле пропорциональная система прямо вызывает к жизни беспочвенный партийный авантюризм. Надо только «приобрести» голоса, захватить в свои ловко расставленные сети побольше наивных и доверчивых глупцов, и «ему», придумавшему соблазнительную программу, место в парламенте будет обеспечено. Само собою разумеется, что возникают не партии, а обрывки, осколки, ошметки партий: ни одна из них не способна взять власть, повести государство и оградить страну. Но разве это важно мелким честолюбцам и карьеристам? Им важно «выйти в люди», «фигурировать», словчиться на министерский или полуминистерский пост; а для этого существу-

ют «компромиссы» с другими полупартиями и подфракциями. И вот, государственное дело превращается в *мелкий базар политических спекулянтов*, в неустойчивое равновесие множества групп и группочек, в компромисс политических «нырял» и «протирал». Скажем прямо: *в политический разврат*.

А между тем на самом деле люди, творящие политику, призваны искать *единства*, государственного спасения, некоей единой программы, которая *необходима государству*: они призваны искать *общего, единого*, того, что у всех сразу или будет, или не будет — *права, порядка, сильной армии, неподкупного суда, честной администрации, воспитывающей школы, прочных финансов, хозяйственного и культурного расцвета народа*. Политика, по самому существу своему, означает *единение*, а не *разброд, общее*, а не *частное* (будь то личное или классовое), силу народа, а не *изнеможение*.

Это единение есть *основа государства*: единение *граждан между собою* и единение *граждан с властью*.

Именно поэтому не правы все те теории и доктрины, которые пытаются уверить нас, будто в основе политики лежит вечная и неизбывная борьба граждан с государственной властью: ибо-де власть означает «нажим» и «гнет», а гражданство означает «свободу» и «независимость». Все эти теории *революционного происхождения* и анархической природы. Напротив: государство зиждется и держится *добровольным* признанием власти со стороны граждан, с одной стороны, и *уважением и доверием* государственной власти к гражданам, с другой стороны. На вражде государства не построить. Из вечной и ненавистной оппозиции граждан может вырасти только революция, разложение и гибель народа.

Вот почему грядущая Россия нуждается в такой избирательной системе, которая покоится на *взаимном сотрудничестве народа и власти*, на их сознательном объединении вокруг единой государственной цели.

III

Предлагаемая мною здесь избирательная система покоится на ясно сформулированной предпосылке, согласно которой государство есть не *корпорация* («все снизу») и не *учреждение* («все сверху»), но *сочетание того и другого*. Государство есть *учреждение*, которое ищет в *корпоративном* духе и в корпоративной форме — народного доверия и прочности и потому чтит свободу своих граждан и добивается их сочувствия и содействия; и в то же время государство есть *корпорация*, которая ищет в *учреж-*

дени силы и прочности и потому чтит авторитет своей власти и не посягает на ее свержение и поругание.

Это *органически-духовное единение правительства с народом и народа с правительством* должно проникать всю избираемую систему с самого низа и создавать следующий порядок.

Выборы должны быть разделены на *небольшие участки*, где все друг друга знают и где социально-негодные элементы столь же хорошо известны всем, сколь и социально-ценные и почтенные люди. Далее, выборы должны быть построены на форме постепенно восходящей «лестницы» (трех- и четырехстепенные выборы). Принципиально в отборе лучших должны участвовать *две стороны* — народ и правительство. Обе участвующие стороны имеют право *предлагать своих кандидатов и одобрять* (или *не одобрять*) чужих кандидатов, конкурируя друг с другом в обретении лучших и проверяя друг друга в выделении *подлинно достойных людей*.

Поясним это на примере. В каждом селе избираются волостные избиратели, которые потом соберутся в волости. Допустим, что в данном селе надо выбрать *четырёх* избирателей. И вот, сельский сход избирает от себя тайным голосованием *четырёх*, а начальник уезда назначает от себя тоже *четырёх*. Это первая стадия отбора. В тот же день, непосредственно после первой стадии, начальнику уезда представляется список *четырёх избранных* кандидатов, из коих он уполномочен и обязан *двоих* утвердить, а *двоих* отвести; а сельскому сходу представляется список *четырёх назначенных кандидатов*, из коих сход тайной баллотировкой *подтверждает* большинством голосов *двоих*. Если обе стороны сколько-нибудь верны своей задаче, то есть ищут не льстецов, не проныр, не партийных демагогов и не «фашистов», а подлинно лучших людей, то двойная проверка даст необходимые результаты: четверо лучших будут «утверждены» и «подтверждены».

Волостные выборы, проведенные по той же системе, дадут такие же результаты для уезда. Это вторая ступень отбора. Уездные выборы (третья ступень) дадут губернских выборщиков. Наконец в губернии соберутся люди многожды и всесторонне отобранные и отсеянные в смысле морального и политического качества, и они произведут уже в обыкновенном порядке, без вмешательства администрации, свободно и тайно, выборы положенного числа членов «Государственной думы».

Подобная же процедура выделения лучших будет проведена и в *городах*, но не в четыре ступени, а в три: выборы по *участкам*, выборы по городским *округам* и выборы *общегородские*.

Такая система выборов вводит в правосознание участников некий новый внутренний мотив: мотив *соперничества из-за качества*. Каждая сторона получает поощрение выдвинуть *бесспорного* кандидата; такого, которого нельзя отвести, не оскандалившись; такого, качества которого говорят сами за себя; и притом выдвинуть его надо из *данной* среды, не «орателя», забежавшего со стороны, не неведомого политического пролазу, а местного, оседлого, известного, заявившего о себе в жизни — и словом, и делом. Да и стоит ли предлагать заведомого проходимца, если ему предстоит заведомое отвержение со стороны другого «партнера»? Не лестно ли самолюбию и честолюбию — предложить таких кандидатов, достоинство которых будет признано единогласно? Правосознание и чувство собственного достоинства каждой из сторон получает особое побуждение и поощрение выдвинуть *действительно лучших людей*, против которых другая сторона решительно ничего возразить не могла бы: *возникает волевое состязание о достоинстве, поиск объективно лучших людей, борьба за безукоризненных кандидатов*. Политический «семафор» передвигает «стрелку» с количества на качество, ибо каждая сторона знает, что «негодное» будет отведено. Важным оказывается не партийность кандидата, а его *годность, полезность, справедливость, честность, ум, опыт...*

В одном случае такое сотрудничество правительства и народа получит значение *взаимного совета и подсказа* («вот кого надо!»); в другом — смысл *исправления* («нет, это ошибка!»); в третьем — смысл *прямого отвержения* («куда нам эдаких?!»); в четвертом — прямой *солидаризации* («вот и мы таких ищем!»); во всех случаях — смысл *взаимной проверки и взаимного содействия в держании единого и общего государственного хребта*.

Надо предвидеть, что такой порядок может иметь успех только при двух основных условиях: во-первых, при наличности в стране *национально мыслящей и непартийной диктатуры*, не впадающей ни в правый, ни в левый тоталитаризм, но дорожающей свободным отбором лучших людей в стране, во-вторых, при *государственном отрезвлении народа*. Тоталитаризм погубит корпоративное начало государственности и — или подавит, или исказит народное мнение; государственно *не* отрезвившийся народ будет бессмысленно ломиться в распадение и анархию и пойдет за теми демагогами, которые погубили Россию в 1917 г. Тогда наша система выборов может дать самые отвратительные и губительные последствия: тоталитарная диктатура будет назначать и утверждать одних крайних правых, а народ будет выбирать и подтверждать одних крайних левых. Качество будет за-

быто. Крайние партии восторжествуют, и выборы превратятся в гнусное зрелище партийных драк и всеобщего развала.

То, что необходимо России после революции — это государственно-трезвая и мудрая диктатура и государственно отрезвевший народ, нашедший свою старую историческую установку: «дело государственное вести честно и грозно»; оставить «криводушие» и «малодушие», «воровской обычай» и «смуту» и понять, что тот, кто «Русь несет розно», — губит сам себя.

Есть такой уровень правосознания, при котором не поможет никакая система выборов: деморализованная чернь вообще неспособна к выборам (т. е. к выделению лучших), она неизбежно выделит худших, и притом за частный прибыль (тот или иной вид коррупции). И подобно этому: если диктатура окажется в руках авантюристов-демагогов. то они «отберут» себе свиту и партию, столь же низменную по уровню правосознания, сколь низки они сами. *Нет и не может быть* такой системы выборов, которая спасла бы государство от негодьяев, если негодяйский политический уровень преобладает в стране.

Зато возможны и реальны такие избирательные системы, которые дали бы ход и успех *худшим* элементам страны, несмотря на то что общий уровень правосознания гораздо выше этой политической черни. Демагогия и коррупция могут погубить страну при помощи демагогической и коррумптной системы выборов. И главная послереволюционная опасность России состоит в том, что ей извне (или, Боже избави, изнутри!) будет навязана именно такая гибельная система, при которой худшим элементам развязаны руки, а лучшие люди лишены возможности сказать свое свободное слово и не могут быть выдвинуты вперед и наверх.

Дело здесь совсем не в том, чтобы выделить «грамотных»: грамота сама по себе ничего не обеспечивает. Среди русских простых людей, особенно среди крестьян, всегда бывало немало государственно-здоровых и даже мудрых людей, не умеющих ни читать, ни писать: а «грамотеи» нередко сразу выходят в плуты и прохвосты. Здесь дело в выделении государственно настроенных, а не партийных и не продажных людей. Чернь совсем не есть «чернь» труда и мозолистых рук или чернь малого образования, *но чернь воли, сердца и порока.*

Невозможно и губительно переносить к нам из Западной Европы идею противогосударственного «спорта в политике», идею частно заинтересованной толкотни вокруг государственного дела, идею классово-борьбы, всегда чреватой гражданской войною. Невозможно превращать Россию в смертную драку бес-

численных пауков в огромной банке, как этого хотят господа закулисные расчленители! Гибельно предоставлять партиям право на заговоры и на подготовку переворотов или распродавать с молотка русскую государственную власть ценою обманных обещаний («кто больше?!» — как было на выборах в Учредительное собрание 1917 г.). Все это было бы делом политической слепоты и государственного предательства...

Нет, России нужно совсем иное: *организованная ставка на качество*. Политическая чернь, политическая слепота и противогосударственная партийность погубят нашу Родину. Нам нужно подлинное выделение государственно-здоровых элементов страны, к какому бы племени, к какой бы народности они ни принадлежали.

209—211. О «МИРНОМ РЯДОМЖИТЕЛЬСТВЕ»

I

(Опыт политического диагноза и прогноза)

Формула найдена, выговорена и провозглашена... Остается только «уверовать» в нее и осуществлять ее. И вот уже с разных сторон заявляют о себе ее отвлеченные сторонники вроде англичан Черчилля и Идена²⁰, а также ее непосредственные осуществители вроде индуса Неру, усвоившего себе от Ганди «непротивленческий национализм», а от Чжоу Эньлая²¹ — ненависть к европейцам. Формула эта не новая: она выдвигалась советскими коммунистами каждый раз, как только истощалась их военная или хозяйственная мощь, — после первой войны с Польшей (неудача!), после коллективизации, сокрушившей русское сельское хозяйство, после войны с Финляндией (неудача!), после завоевания Китая (удача!) и т. д. Если припомнить всю военно-дипломатическую историю советского государства (1917—1954 гг.), то сразу станет ясным, что «мирное рядомительство» единого тоталитарно-дипломатического блока с «буржуазно-свободным» множеством государств есть лозунг *лукавый, обманный и затрепанный*. В переводе на честный язык он означает: «военное распространение для меня сейчас, пока что, неосуществимо; многое не готово, многого не хватает, мне необходимо *время*, чтобы все выправить и подготовить; мне необходим ввоз из других стран»; или еще (как теперь после Второй мировой войны): «мне необходимо создать кадр вышколенных политических агентов, достаточно ловких и многочисленных для оккупации новых стран; и мне еще необходимо длительно пополнять *мужской резерв* российского народонаселения, столь

жестоко растраченный во Второй мировой войне...» Словом, каждый раз, как коммунистически изнасилованный организм России изнемогает и оказывается неспособным к военному нападению, так выдвигается эта лукавая формула. Причем лукавое «блюдение» этой формулы отнюдь не мешает советским коммунистам пускать в ход силы государств-сателлитов (напр<имер>, Китая, Северной Кореи, Вьетнама) или силы коммунистических партий в «мирно-рядом-жительствоющих» странах (напр<имер>, в Греции, Италии, Гватемале и т. д.).

Такова советская дипломатическая практика за 37 лет. И казалось бы, европейские и американские дипломаты, среди которых есть настоящие «старожилы», призванные «запоминать» и учиться (хотя бы Уинстон Черчилль...), должны были бы знать, что означает этот затрепанный трюк. «К крестьянину вползла змея, И говорит — сосед, начнем жить дружно!» А доверчивый крестьянин уже готов...

Впрочем, за последние годы военное соотношение сил перемешалось и обновилось благодаря атомно-бомбному оружию: «мирное рядомжительство» должно осуществляться при все возрастающем запасе атомных бомб у каждого из «мирных рядомжителей»...

Чтобы понять современное стратегическое положение дел, необходимо отступить на целый ряд лет назад. Вспомним времена Рузвельта и Трумэна²². Рузвельт, как установлено литературой, вышедшей после его смерти в Америке, отличался тем, что не любил сложных ситуаций и совершенно не умел и не хотел вчувствоваться в них и разбираться в них аналитически: он выслушивал кое-каких, подобранных для этого из-за кулисы, советников и затем принимал решение единым «ахом» (см. книгу Гунтера: «Наши задачи», № 131); это решение считалось последним словом всеамериканской «мудрости»... Но так как «кулиса», помогавшая ему «информацией», «освещением» и тому подобными способами, *втайне сочувствовала русской революции и больше всего боялась бурного и радикального переворота в России*, то у Рузвельта сложилось весьма благоприятное понимание большевизма; ему предносилось что-то вроде его возлюбленного «new deal»²³, какие-то «социальные обновления» в сторону «демократической справедливости», и большевики стали казаться ему дерзающими, но вполне доброкачественными «мечтателями». Насколько в этом деле был повинен его менингит и насколько здесь влияла *закулисная стряпня*, об этом вряд ли будет раскрыта когда-нибудь полная правда. Факт только тот, что трижды «излюбленный» калека успел по-

дыскать себе соответствующего заместителя, а заместитель этот (мистер Трумэн, специалист по галстукам и подтяжкам) успел подобрать себе такого статс-секретаря (Эчесона) и таких *советников*, которые все вместе тянули к *советчикам* и ныне в самой Америке чуть ли не публично обвиняются в предательстве интересов США. Самый главный «подвиг» их состоял не в сдаче Китая коммунистам и не в увольнении гениального полководца Макартура²⁴, а в *широком раскрытии дверей административного аппарата США для «салонных» коммунистов и прямых советских агентов*. В это модное тогда течение «идеализирующего доверия» была вовлечена и Англия. Отсюда эти непоправимые последствия. 1. Гостеприимная сдача коммунистам всей Восточной Европы во время войны. 2. Соглашения Ялты, Тегерана и Потсдама. 3. Полная неспособность к удержанию атомно-бомбных секретов. 4. Выдача русских белых воинов и беженцев («ди-пи») большевикам. 5. Предательство в отношении оклеветанного и дезавуированного, некоронованного китайского монарха Чан-Кай-Шека²⁵. 6. Развязание корейской войны со всеми ее последствиями. 7. Поощрение индо-китайской войны со всеми ее осложнениями и последствиями. 8. Утрата европейскими державами всякого колониального престижа (голландская Ост-Индия, французская Азия, английская Индия, Персия, Израиль, арабские государства Азии, Тунис и Марокко, национальное движение на Кипре, сдача Суэца англичанами, брожение на Мальте, в португальской Индии, в Судане, в Кении и даже в южной Африке)... И чем дальше, чем глубже все эти последствия, тем развязнее звучит фальшиво-аффектированный голос советского государства, доселе, по неисчерпаемой глупости западных дипломатов, смешиваемого с Россией: «Сосед, начнем жить дружно!»...

Эта совместная «дружная» жизнь, по мысли коммунистов, должна бы сложиться так: полная лояльность западных, свободных держав, новая система советско-европейской безопасности, закрепленная торжественным советски-продувным словом и последовательная, до наглости доведенная нелояльность коммунистов. Все, чего коммунистам не хватает, Запад должен ввозить, частью в кредит, частью на наличные: таковы прежде всего «калибры» машины утонченной структуры, предметы оптики и корабельного строительства; однако не следует удивляться, если окажется, что советская страна готова закупать за границей и шерсть, и искусственные ткани, и мясо, и рафинированный бензин, и даже зерно, — и еще все то, что всегда имелось в России в изобилии, а ныне стало дефективным товаром.

Все эти претензии, надежды и расчеты могут быть выражены так: «мирное рядомительство будет состоять в том, что буржуазные государства помогут мне подготовиться как следует к новой агрессивной войне...» «так, как они доселе помогали мне поставками, инструкторами, а в последнюю минуту даже военным союзом» (германская политика эпохи Штреземана, Курциуса, Брюнинга и Риббентропа²⁶).

Однако наряду с этим такое мирное рядомительство будет состоять еще в упорном и коварном ведении так называемой «холодной войны». Она состоит прежде всего в *наводнении свободных стран коммунистической агентурой*: эти агенты разведывают, пропагандируют, подкупают, крадут секретные документы, похищают нужных им или, наоборот, вредных им людей, производят обманные жесты и демонстрации (диверсии), организуют склады тайно ввезенного или украденного оружия, следят за противниками и ведут им списки, организуют ячейки сочувственников и распускают через них «полезные» лживые слухи, передают из центра распоряжения и деньги, организуют рабочих, соблазняют детей, невежественную молодежь и женщин, усиливают брожение в колониях, пробираются в буржуазную печать, связываются с «салонными» коммунистами и дают им шпионские и разлагательные задания, сеют клевету, изолируют сильных, берут на буксир слабых, разыгрывают в свою пользу гомосексуальных (всегда склонных к «перемене образа мыслей»), шантажируют преступных, заряжают своими планами порочных, нанимают беспринципных «ученых» и всегда стоят в тайном контакте с деятелями мировой закулисы.

Все это вместе взятое равносильно *систематической подготовке мирового вооруженного восстания*, так, как это детально обрисовано по подлинным коммунистическим первоисточникам в книге: *Normann Alfred. Bolschewistische Weltmachtpolitik*. Bern: Cotthelf-Verlag, 1935²⁷. С появления этой книги прошло почти двадцать лет, но за эти двадцать лет основной план коммунистов ничуть не изменился, хотя и появились новые, еще более тонченно-порочные и бесцеремонные приемы. В Европе всю совокупность этих приемов, защищаемых и прикрываемых советской дипломатией, называют «холодной войной», тогда как на самом деле здесь следовало бы говорить о предательском нападении или о *криминальной подготовке всемирного восстания*.

При этом невольно спрашиваешь себя: видят ли это господа западные премьеры, дипломаты и возглавители политической полиции, и если видят, то разумеют ли они, к чему ведет это такое «мирное рядомительство»? Тридцать лет тому назад они

явно не понимали ничего. Потом началось медленное обучение, причем обучали их не наши эмигрантские разъяснения, которые они обычно ни в грош не ставили, а мероприятия самих коммунистов — всеобщие забастовки, вооруженные восстания, революционные брожения, гражданские войны с явным финансированием, участием и руководством коммунистов, случаи коммунистической пропаганды в западных армиях и флотах, организация так называемого «единого фронта», введение кулачных драк в парламенты и т. д. Это были фактические данные, неоспоримые, публично зарегистрированные события; оставалось воспринять их, продумать, осмыслить и сделать логические выводы политического характера.

Но здесь обнаруживалось что-то загадочное и труднообъяснимое: у призванных и государственно-уполномоченных деятелей Европы и Америки обнаруживалось то, что в психологии называется «явлением выпадения», какие-то очень важные душевные функции (*осмысления и волевого решения*) *просто не составлялись*. Министры видели, воспринимали, читали поданные им точные и честные доклады и вели себя так, как если бы все это были *шутки и игры*; незначительные эпизоды; любопытные, но «нормальные» проявления народной жизни и «свободы». Все это не принималось всерьез; а если встречало серьезное отношение, то это было *сочувствие и содействие коммунистам*. Так, немецкий рейхсвер не переставал мечтать о сближении с коммунистами, сделал им множество тайных одолжений и нисколько не возмущился, когда Риббентроп завершил эту мечту военным союзом. Так, швейцарское общественное мнение было отнюдь не на стороне генерала Франко во время туземной гражданской войны, но сочувствовало своим добровольцам, спешившим на помощь «освободительному» коммунизму. Так, Франция и Англия долгое время старались дезавуировать и опозорить испанского освободителя генерала Франко. А европейская печать всех направлений и оттенков доселе старается рассказать как можно больше «высокого и прекрасного» о достижениях своих «мирных рядомжителей».

Впечатление у нас всегда одно и то же: *смотрят; видят; и не видят*. *Нельзя* было не понять; и что же, поняли? *Нет, не поняли*. Надо решить и начать действовать; и что же — приняли самое *нелепое*, самое *слепое*, самое *непростительное* решение. Впечатление такое, как если бы кто-нибудь надел им розовые очки; или уверил их в светлых намерениях коммунистов; или вынул им «из головы» всю главную думающую силу; или погасил в их душе все основные критерии добра и зла; или же,

имея власть, запретил им думать и решать. Видел, думал и решил король Югославии Александр Караджоржич²⁸; его убили. Видел, думал и решил русский финляндец Маннергейм²⁹; ему не дали своевременно власти. Созерцал, разумел и действовал архиепископ всея Латвии Иоанн Поммер; его убили и даже не позволили расследовать это злодеяние. Видел, думал и поступал умный швейцарец бундесрат Мотта³⁰; но полномочия его были невелики. Видел, думал и порывался действовать во время Первой мировой войны Уинстон Черчилль; но с тех пор его окружение сумело его перекроить по-своему, и ныне он договаривает свои последние речи наподобие Ллойд-Джорджа. Увидел, уразумел и стойко держится спаситель Испании каудильо Франко; но полномочия его ограничены его страной, а злобная клевета мировой закулисы годами делала все, чтобы лишить его авторитета и влияния в мире. Видит, понимает и желает действовать замечательный человек и полководец Макартур; но его сумели «задвинуть» руками двусмысленного Трумэна.

А остальные... Боятся. Боятся остаться в меньшинстве на выборах; боятся не угодить закулисе. И потому говорят вредное и двусмысленное — или молчат. И вся «мудрость» их состоит в том, чтобы *повысить экспорт* своей страны и поскорее начать торговать с Советами...

II

Страны свободного Запада хотят сразу двух вещей: во-первых, они хотят не подчиниться мировой диктатуре коммунистов; во-вторых, они хотят как можно скорее добиться активного баланса во внешней торговле, т. е. преобладания вывоза над ввозом, а вместе с тем и повышения своего производства, своей валюты и хозяйственного уровня народной жизни. Установим, что доселе в том и другом сразу ни одна страна еще не преуспела. Из больших государств хозяйственно процветают пока только Соединенные Штаты и Германия; но Соединенные Штаты вынуждены вести все обостряющуюся борьбу с коммунистической *инфильтрацией*, а Германия утратила свою восточную половину в порядке коммунистической *оккупации* и не сумела доселе оборониться надлежащим образом от всепроникновения советской агентуры (измена английского ставленника Джона!).

А «вывозить» свои продукты в страны советского блока хотели бы *все*, за исключением разве карликовых государств: Андорры, Сан-Марино, Монако и Люксембурга, с которых нечего и взять.

Соединенным Штатам (дважды победившему государству) вывоз дается, конечно, легче всех: они вывозят помимо обычных предметов потребления — *оружие и кредитную валюту*, насыщая тем и другим все некоммунистические страны. Далее, поучителен необычайный хозяйственный подъем в Германии (дважды побежденном государстве): несмотря на огромные разрушения, военные «конфискации» (напр<имер>, трест I. G. Farben) и очень большие потери ранеными, убитыми и заморенными в плену, несмотря на чрезвычайную остроту жилищного вопроса (последствия бомбардировок!) и обеднение всего населения, несмотря на потерю всей восточной половины страны, с ее сельским хозяйством и промышленностью (Силезия! Саксония! Бранденбург!), несмотря на волны уплотняющих западную Германию беженцев с востока (число их уже перевалило за 10 миллионов), — западная Германия, которая только одна и заслуживает своего имени, переживает *настоящее возрождение* в делах производства и вывоза. Еще в 1948 г. она вывозила в месяц на 200 миллионов марок, а в 1953 г. она вывозила уже на *полтора миллиарда марок в месяц*; поэтому ее валюта так поднялась и окрепла, что превзошла швейцарскую и шведскую (не воевавших государств). За это же время число мотоциклеток возросло с 328 тысяч до почти двух миллионов, а число пассажирских автомобилей — с 218 тысяч до одного миллиона ста двух тысяч. Главными предметами вывоза являются ископаемые (уголь), предметы кораблестроительства и машиностроения, тонкой механики и оптики.

Итак, вывозить хотят *все* страны; ни одна не может и не хочет примириться с временным пассивным балансом и с временным снижением уровня жизни ради того, чтобы не помогать коммунистам в их завоевании мира. Каждая говорит себе — «если я примирюсь с этим, то другие страны будут поставлять и богатеть; чего же ради?» И каждая спрашивает: если не в Советию, то куда же вывозить? Большие рынки захвачены Соединенными Штатами (так ли это?!), колонии отпадают (но разве это означает невозможность вывоза?!). Словом, все предпочитают двигаться по линии *наименьшего сопротивления и зазывающей пропаганды*; все не доверяют друг другу и не желают дальнорозкого предвидения... А может быть, и не способны к нему? К тому же советское золото, как и всякое золото, по древнеримскому выражению, «не пахнет», а при товарообмене советское правительство имеет достаточно расчетливой сообразительности, чтобы вывозить приличное сырье...

И вот слагается поучительная в своем трагизме картина: мирное рядомжителство состоит в том, что *противники добросовестно стараются помочь друг другу в подготовке к третьей мировой, атомной войне*. Причем можно быть уверенным, что западные державы исполняют свои обязательства добросовестно и не следуют совету прежнего германского министра торговли фон Раумера, который говаривал в тридцатых годах: «Надо посылать им *бракованный* товар, они все равно не разберутся в его качестве; эдак мы и вывозить будем и не усилим их ни в чем...» Но эти времена уже прошли, и теперь бракованные и дефективные машины, наверное, не будут приняты советскими инженерами.

Что же остается западному миру? Поднимать уровень своего хозяйства, искать социального и колониального замирения, смыкать военные ряды, вооружаться, не выбалтывая ежеминутно своих военных секретов, крепить линию внешней обороны и *проводить радикальную, неумолимую чистку в чиновничестве и в армии*. Во всех этих заданиях без исключения западные державы будут наталкиваться на советские препятствия и интриги. Нет тех ухищрений, тех клевет и угроз, тех внутренних и дипломатических диверсий, которые не были бы пущены в ход советами для того, чтобы помешать разрешению этих заданий. Соблазнить выгодой; прижать к стене неудачной войною; сорвать социальный мир забастовкой; предложить и затянуть целый десяток мирных конференций; обещать прозрачную уступку за реальный разлад; выкрасть все военные секреты и нанять к себе на службу их знатоков и изобретателей; а главное — *прорвать линию западной обороны, сорвав через своих агентов чистку чиновничества и армий*, — все это делается непрерывно полным ходом в самых недрах западного мира, деятели которого то и дело видят себя беспомощными, одураченными, обманутыми в своих самых секретно-интимных учреждениях и доверенных чиновниках; видят и не знают, что начать...

Легко сказать: поднимайте уровень вашего хозяйства! Для этого нужно трудолюбие народа (которое нашлось у немцев и у итальянцев), согласие народа пройти сквозь неизбежный период полуголода, думать о производстве, а не о классовой ненависти (что итальянцам не удается) и не ссылаться на «выигранную войну», которую народ, может быть, «выиграл» только силами своих союзников; для этого необходим тот крепкий жизненный и волевой заряд, который утомленная Англия находит лишь с трудом, а переутомленная Франция не нашла и доселе.

Не допустить социального замирения — на это марксисты первые мастера: классовое недоверие будет раздуто до размеров кровожадной ненависти, а эта ненависть получит в руки контрабандное оружие. Два миллиона сто тридцать тысяч коммунистов недавно обновили в Италии свои партийные билеты на 1954 г. (за год + 30 000), итальянских комсомольцев насчитывается 423 тысячи, да новых баб удалось привлечь в партию 53 000. А количество конфискованного у коммунистов оружия производит прямо жуткое впечатление, а сколько еще остается припрятанным и сколько ввозится вновь через Адриатическое море, не то из Албании, не то от Титоброза?³¹

Что делается коммунистами в деле колониальных восстаний и отпадений, нет возможности подробно описать. План их ясен: *лишить Европу ее колоний* и соответственно *колониального сырья* и торговли и вызвать тем *мировой хозяйственный кризис*. Для этого им надо было наложить руку на Китай (это удалось при попущении Трумэна и Эчесона); а потом на японцев, малайцев, индусов, арабов и негров. Над этим они работают; это потребует еще немало усилий; и двух миллиардов долларов, ныне затрачиваемых ими в год на коммунистическую пропаганду, им не хватит. Особенно трудно им будет с японцами и арабами и гораздо легче — с индусами, над коими витает непротивленческая тень Ганди и от лица коих Неру уже совещался с Чжоу Энляем, а ныне уже пытается спровоцировать португальцев. Всех податливых азиатских и африканских туземцев ждет единая, одинаковая участь (указанная нами в № 169 «Н^аших» з^адач»), «Борьба за колонии»); они «освободятся» от «европейских империалистов», но, лишённые армий и военной промышленности, попадут в коммунистическое рабство, которое будут сами по слепости и глупости обозначать как «русский империализм»...

Казалось бы, самое ясное и радикальное средство обороны должно было бы состоять в образовании единого американско-западноевропейского военного фронта. Но как создать его, когда Франция с ужасом думает о новом вооружении Германии, а военный союз европейских стран *без Германии* неизбежно урежет мощь этого союза и, вероятно, поведет к тайным соглашениям западной Германии с Советией? Две первые мировые войны поселили во французах сущую панику и даже угрожающие громы Даллеса не очень помогают в этом деле. Да и кто бы смог дать гарантию того, что через десять лет Германия не вернется к своей мечте о захвате и о планомерном обезлюдении русских территорий на востоке?.. В начале августа 1954 г. и в

Англии появились статьи («Daily Express» и «News Chronicle»), тревожно предрекающие агрессивность новой Германии и решительно не доверяющих немецким неонационалистам. Тот же текущий август увидел вождей английской социал-демократии — правого Эттли³² и левого Бевана — в Москве, дружелюбно закусывающими и перешептывающимися с Маленковым, Молотовым, Хрущевым и Вышинским³³: лавры Риббентропа, по-видимому, внушают им зависть, а страх перед Германией, жажда активного баланса и партийный подкуп под медлительного Черчилля пробуждает их предприимчивость...

О ежеминутном выбалтывании своих военных секретов надо сказать следующее. Здесь имеются совсем особые трудности. Их две: во-первых, *демократический строй*, процветающий на Западе; во-вторых, *обилие всюду проникающих советских агентов*.

Демократический строй по самому естеству своему есть строй *дискуссии*; он сам признает это и особенно дорожит этим неотъемлемым правом — публично обсуждать все государственные и общественные дела. Это «необходимо» ему и в порядке предварительного рассмотрения, и в порядке целесообразного осуществления, и в порядке последующего контроля. Можно ли решать, не обсудив? Можно ли осуществлять, не осветив в прениях самый порядок осуществления? Можно ли проводить контроль без гласного обмена мнений? Демократия к этому неспособна. Для этого каждая газета окружает себя информаторами, а известно, что каждая сенсационная информация дает «обол»...³⁴ Естественно, что информация и дискуссия в *военных* вопросах кажутся особенно существенными. Но понятно также, насколько это облегчает дело иностранных разведчиков. Где строится аэропланый или атомный завод; где открывается атомная лаборатория; какой сверхзвуковой быстроты достигают «наши» ракеты; где проходят линии радарной обороны — все имеют право все знать, обо всем рассуждать — устно и печатно. Внимательное чтение местных газет становится лучшим подспорьем для шпиона. И там, где тоталитарный строй все скрывает, изолирует, замалчивает и зажимает рты террором, в демократиях царит вольная словесность, тщательное разноухивание, печатная сенсация, конкуренция новостей. Военное дело требует молчания, тайны, конспирации. Государство, которое к этому неспособно, все время совещается, решает и строит *в присутствии своих смертных врагов*.

Можно ли помочь этому и как? Строжайшей личной дисциплиной. А если ее нет в народе и в прессе? Тогда придется выбалтывать все до конца и терять на этом позицию за позицией.

III

Но есть еще одно затруднение в этой борьбе «буржуазного» Запада с коммунистическим Востоком, затруднение, которое превращает все так называемое «мирное соседство» не то в иллюзию, не то в надругательство Востока над Западом. Это есть *проникновение коммунистов* во все некомунистические страны, и особенно в их чиновничество и в их армии при *полной неспособности демократических стран к политической чистке*. На этом вся борьба Запада может сорваться.

Начнем с того, что коммунизм выработал *особые формы неуловимости*: таковы «криптокоммунизм», «салонный коммунизм» и «левая социал-демократия».

Криптокоммунизм (скрытый, тайный) есть сотрудник и раб коммунистического центра: он только не берет партийного билета и не выступает публично; он помалкивает, где нужно, и шепчет, где приказано. А доказательств, обличающих его, — нет. Нередко он служит прямо разъездным агентом: перед гражданской войной в Греции он «ныряет» в Грецию; перед гражданской войной в Испании — у него «спешные дела» в Мадриде; завтра он в Милане или в Лондоне; через неделю он подвизается «паломником ко святым местам». А живет — прибедняется, одевается скудно, выпрашивает у родных и знакомых.

«Салонный коммунист» — печатается и разводит «идеологию», особенно на «экуменических» и закулисных съездах. Он проповедует «без-пяти-минут-коммунизм»; изображает большевиков как «социальных мечтателей»; поносит историческую Россию; клеветает на «белых» и противленцев; «закапывает ров»; уговаривает эмигрантов ехать в Россию и, главное, научает иностранцев считать русскую историю только с 1917 г... В этом духе подвизался за последние годы своей жизни г. Бердяев.

«Левый социал-демократ», наподобие англичанина Бевана, был бы совсем коммунистом, если бы только согласился называть себя так. Но он избегает этой непопулярной клички. Он не коммунист, а «сам с усам», со *своей* программой и с *особой* партией. Он, конечно, водится с коммунистами, а при случае слетает к ним, и погостит у них, и погуляет с очаровательным Маленковым в саду британского посольства. Но он не коммунист, а «лэбэрист»: не угодно ли его обличить и дезавуировать!..

Но если попытаться вывести на свежую воду и этих «неуловимых» и других, более уловимых, то закулиса начинает самую отчаянную оборону «свободы», «демократии» и отдельных обличаемых индивидуумов. Провозглашается, что свободны *все*

мнения без исключения: не только консервативные, но и революционные и анархистские; не только патриотические, но и предательские; не только легально-лояльные, но и шпионские, и «гангстерские», и контрабандистские, и всякие. Какая же это демократия, которая смеет допрашивать граждан об их воззрениях или обуславливать государственную и военную службу известным уровнем и направлением политических убеждений?!. И если чью-нибудь коммунистическую или шпионскую свободу ограничивают, то надо оборонять этого «гонимого» всеми силами. Вспомним всемирные демонстрации в пользу двух проходимцев — Сакко и Ванцетти³⁵ — в 1927 г. Вспомним такое же «мировое» движение за шпионов Розенбергов³⁶ в 1953 г. — и особенно безобразную надгробную речь их защитника. Этим обеспечивается *свобода коммунистической инфильтрации*.

Но это еще поверхностная видимость обороны и сопротивления. Главная борьба со всякой антикоммунистической чисткой ведется незримо, за кулисами, в кулуарах, клубах, салонах и министерствах. Вдруг образуется единый фронт за «свободу, демократию и гуманность», к которому примыкают не только «криптокоммунисты» и «салонные коммунисты», но и такие *с виду* «почтенные» деятели, которые никогда открытыми коммунистами не были; но они принадлежат к той партии, которая за последние 20 лет оказала коммунистам наибольшие поощрения или даже прямые услуги. И горе тому, кто попытается взять на себя от лица государства задачу радикальной чистки! Именно таково положение сенатора Маккарти³⁷ в Соединенных Штатах.

Установим как бесспорный факт, что сколько-нибудь последовательная «чистка» проведена в Европе только в Португалии, Испании, Греции и Турции, причем Испания и Греция обязаны этим длительной гражданской войне и в будущем не должны считать себя застрахованными от криптокоммунизма. В Германии этот процесс был начат и самым нелепым, зловредным образом сорван национал-социалистами. Ныне позорная история с перебежчиком Джоном вновь поставит эту проблему в Западной Германии. Ни во Франции, ни в Англии о такой чистке нет речи: здесь инфильтрация совершается почти беспрепятственно, благоприятствуемая «демократическими» свободами, коммунистической наивностью англичан и самоуверенным «неопасением» французов. Не подлежит никакому сомнению, что торгово-дипломатические визиты Эттли и Бевана (в Советии, в красном Китае) сделают такую чистку в Англии совсем неосуществимой. И только давление Соединенных Штатов заставило на днях (14 августа 1954 г.) англичан изъять блюдо атомных секре-

тов из ведения министерства снабжения, наивно взлелеявшего предателей Клауса Фукса и Бруно Понтекорво³⁸, и передать его особому отделу контрразведки. Но это совсем не означает начало чистки; напротив. Из других государств чистка имела бы особенное значение для Бельгии, Дании и Норвегии. Что же касается перезараженной через Титоброза Югославии и радикально мыслящей Италии, то здесь о чистке трудно и заговаривать.

Но доведение чистки до конца имело бы кардинальное для дальнейшего хода событий значение именно в *Соединенных Штатах*. И вот почему.

В планы советских коммунистов отнюдь не входит разрушение Европы, но ее *оккупация* со всеми ее техническими и промышленными возможностями, и затем — тоталитарное порабощение ее населения. Советский Союз несет Европе не войну, а *революцию*. Иное дело Соединенные Штаты, этот хозяйственный и политический колосс, который видит в Европе свою «передовую позицию» и стоит на страже ее политической свободы. Это главный, самый сильный и непримиримый враг Советии. Против него показуется война, а не революционная смена правительства, которая не была бы вовсе осуществима. Само собой разумеется, что эта война не была бы совсем невозможна, если бы Соединенные Штаты сумели сохранить в тайне свои атомные секреты и свое атомное вооружение. Но они не сумели сделать это: секреты их были похищены, и международный сброд технических специалистов (особенно немцев и англичан), называемых «атомными учеными», разрабатывает на юге России военное использование этих секретов.

Итак, самое выгодное для Советии — это разнести Соединенные Штаты и занять Европу. Но для этого необходимо подготовить победу над Америкой *изнутри*. Так как коммунистам до сих пор не удавалось инфильтрировать Америку, пробираясь в ее самые замкнутые и охраняемые производства и вербуя себе тайных «друзей» на высоких постах, так теперь им предстоит задача *разложить персональный состав атомных заводов и воздушных опорных пунктов*. Коммунисты не могут рисковать военной неудачей в грядущих столкновениях, ибо эта неудача означала бы не «отступление», и не «контрибуцию», и не территориальные уступки, а *ликвидацию всего коммунистического движения во всем мире* — от России и Китая до европейских сателлитов и Южной Америки включительно. Они сами отлично знают это и вот уже 7 лет работают над заострением этой мировой противоположности. Поэтому они начнут войну только тогда, когда будут считать себя *победителями наверняка*.

Победить же наверняка они могут только тогда, если в один непрекрасный день *советские атомные бомбовозы поднимутся и полетят, а американские и английские атомные бомбовозы и ракеты НЕ поднимутся и НЕ полетят*. А это означает, что основная задача их сводится к *внесению персонального разложения в мораль и дисциплину военных летчиков и атомных рабочих Америки и Англии*. Вот почему американцы должны вспомнить обо всех случаях успешной «работы» коммунистов в Америке, и особенно в западных армиях и флотах. Так, в 1927 г. американцы были встревожены, открыв у своих негров коммунистическое движение. В сентябре 1931 г. англичане были вынуждены считаться с брожением в своем флоте. В феврале 1933 г. голландцы имели дело с матросским бунтом на своих кораблях (Ява). В августе 1933 г. такой же бунт обнаружился в шведском флоте. В апреле 1934 г. была раскрыта коммунистическая пропаганда во флоте Соединенных Штатов; в июне того же года — в английской армии; в сентябре того же года — в шведской армии и ряд саботажных поджогов на кораблях; в октябре того же года раскрыт коммунистический заговор во флоте Соединенных Штатов. С тех пор подобные вести шли отовсюду длинной гирляндой. И поэтому, когда мы теперь читаем о коммунистическом шпионаже, раскрываемом Гувером и Маккарти в Америке, о забастовке *3500 рабочих на американских атомных заводах* (12 августа 1954 г.) и о забастовке летчиков в Соединенных Штатах, то мы видим в этом не изолированные случайности, а скудно улавливаемые полицией данные о *планомерной, давнишней и неумолимо проводимой системе действий*.

Вот смысл «мирного рядомжительства»: тянуть время до тех пор, пока воздушный флот Соединенных Штатов не утратит по персональным причинам своей боеспособности и пока победа не будет этим обеспечена коммунистам. Поэтому надо придавать особую важность доведению генеральной чистки в Соединенных Штатах до конца. Надо признать, что новый закон против коммунизма, только что (август 1954 г.) принятый в Соединенных Штатах, затруднит открытую циркуляцию коммунистов и ограничит их легальные права и возможности, но отнюдь не помешает инфильтрации криптокоммунистов и несколько не разрешит проблему очищения всех ведомств и организаций от той агентуры, которая уже просочилась повсеместно за последние десять-двадцать лет...

Нам трудно судить издали о работе сенатора Маккарти. Дело, за которое он взялся по поручению сената, *требует ог-*

ромной выдержки, осторожности, такта и *совсем не терпит* ни угроз, ни рекламы, ни преувеличений. Возможно, что политический темперамент вовлек его в неосторожные высказывания и мероприятия. Но тот поток ненависти, озлобленной клеветы и личной пачкотни, которым встретила мировая закулиса его чистку и который разлился по всей «демократической» прессе Европы, — обличает сам себя и отнюдь не заслуживает нашего доверия. Эту манеру отвечать на верное обличение злобной клеветой мы знаем давно, и тот, кто раз испытал ее на себе, узнает ее всегда при первом появлении.

Однако дело чистки совсем не связано с *одним* лицом и *одним* именем. Не справляющийся — если он действительно не справляется со своим делом, — может и должен быть заменен более способным и искусным, а таковых Америка имеет в изобилии. Но надо помнить, что клеветники Маккарти хотят вообще погасить всякую политическую чистку в стране, опасаясь за «своих» и спасая их от разоблачения. Еще на днях (10 августа 1954 г.) почтенный старец Герберт Гувер, бывший президент Соединенных Штатов, произнес в день своего восьмидесятилетия речь, в которой утверждал, что «демократическая партия за 20 лет своего правления играла в руку Советам». На следующий же день доблестный американский генерал Клэрк³⁹, сподвижник Макауртура, командовавший в Корее всеми силами НАТО, показал в докладе сенатской комиссии, что его настойчивое предложение послать бомбовозы за реку Ялу в Манчжурию встретило своевременно в Вашингтоне категорический запрет и что у него было «чувство, что начальники генеральных штабов поддерживают его план», но что «государственный департамент Америки или кто-нибудь еще высший дает отрицательный знак». Он добавил: «Я чувствовал, что при важных решениях откуда-то оказывается влияние...» Само собою разумеется, что со стороны демократов, криптокоммунистов и тому подобных элементов будет сделано все, чтобы не удалось установить, кто именно и почему сдал Китай и северную Корею коммунистам и не те же ли самые деятели провели Ялтинское, Тегеранское и Потсдамское соглашения?..

При этом мы можем быть убеждены, что провал политической чистки в Соединенных Штатах чреват самыми грозными последствиями.

